

Николай
Бердяев

Гасители духа

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б48

Бердяев, Н.

Б48 Гасители духа / Н. Бердяев. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 132 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Николая Бердяева «Гасители духа».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

ГАСИТЕЛИ ДУХА	5
ИСТИНА ПРАВОСЛАВИЯ	21
ЦЕРКОВНАЯ СМУТА И СВОБОДА СОВЕСТИ	35
СПАСЕНИЕ И ТВОРЧЕСТВО	59
О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ	96
КОШМАР ЗЛОГО ДОБРА	107

ГАСИТЕЛИ ДУХА

Когда ультра-православная «Религиозно-Философская Библиотека», во главе которой стоит такой столп православия, как М. А. Новоселов, выпустила в свет ныне нашумевшую и признанную еретической книгу иеросхимонаха Антония Булатовича «Апология вера во Имя Божие и во Имя Иисуса», то в редакционном предисловии мы прочли патетические слова: «Подобно волне землетрясения, по всей вселенской церкви, от Юга и до Севера, от Востока и до Запада прошло негодование, когда несколько легкомысленных и подпорченных рационализмом монахов дерзнули посягнуть на тот нерв церкви, в котором сходятся все прочие нервы, — на тот догмат, в отрицании которого содержится отрицание всех догматов, — на ту святыню, которая лежит в основе всех святынь церковных. Если бы ничего не было еще, кроме этой волны 1912 года, то и ее одной было бы слишком достаточно, чтобы, как картонные домики, сбросить построения хулителей церкви, говорящих о ее мертвенности, о ее казенности, о ее застое, о ее параличности. Церковь слишком велика, чтобы трогаться из-за пустяков. Неподвижность ее — неподвижность величия, а не смерти. Но когда покушение на нее задевает ее за живое — она являет свою мощь, она содрогается. Так содрогнулась она и ныне, когда со всех концов — из глухих провинциальных монастырей и из столиц — у полуграмотных подвижников и у образованных деятелей вырвался из груди общий крик негодования и возгорелось дружное жела-

ние вступить за дражайшее достояние верующего сердца. Отступники церкви требовали знамения — да умолкнут: вот оно! Но где центр этой волны? Да где же, как не в исконной твердыне православия? Где же, как не в том историческо-беспримерном и неподражаемом государстве монахов, которое живет наперекор законам земных государств. На Афоне не пахнет ни дымным, ни бездымным порохом, и провинившиеся граждане его наказуются не тюрьмами, а лишением сладкого дыма духовного отечества... Холодно в его культурном мире. Непроницаемая каменная кора рационализма затягивает огненный океан благодати всюду. Но вечно кипит в уделе Пресвятой и Пречистой Матери Божией та и опаляющая и согревающая лава, без которой замерзло бы человечество. Таким-то духовным извержением, в ряду других, явился 1912 год. Прозвание же ему, если позволительно предвосхитить историю, которая лишь имеет быть написанной в будущем, — прозвание ему: *«Год афонских споров об Имени Иисусове»*.

Прошло немного времени с тех пор, как были написаны эти слова, и история уже жестоко надсмехалась над ними. Год этот поистине оказался знаменательным для православной церкви.

В каждом номере газет пишут об именованцах и именеборцах, о старце Илларионе, об иеросхимонахе Антонии Булатовиче, о волнениях на Афоне, о мерах борьбы св. синода против новой «ереси», об ужасах, от которых вся кровь загорается негодованием. Повторил бы и сейчас автор цитированного предисловия свои

немного риторические слова, или события последнего времени были слишком большим испытанием и для его православной романтики? Кто эти «несколько легкомысленных и подпорченных рационализмом монахов», дерзнувших посягнуть на святое Имя Иисусово? Это св. синод и патриархи, церковь русская и церковь константинопольская, осудившие в самой резкой форме именеславство, как богохульную ересь. На Афоне запахло «дымным порохом», и, по «законам земных государств», граждане его «наказываются тюрьмами». Истязаниями и изувечиваниями убеждают в правоте синодальной веры. Где же голос церкви, который скажет свое властное слово по догматическому вопросу, затрагивающему самые основы христианства? Впервые за долгие, долгие столетия вышел православный мир из состояния духовного застоя и заволновался вопросом духовного, мистического опыта, не мелочным вопросом церковного управления, а большим догматическим вопросом. И радостно было, что в XX веке люди могут так страстно волноваться вопросами религиозными. Споры именеславцев и именеборцев напомнили те старые времена, когда в православной церкви была еще духовная жизнь и духовное движение. И с волнением ждали лучшие православные люди, люди подлинного религиозного опыта и подлинной духовной жизни, как ответит церковной на глубокий духовный вопрос, на вопрос мистического опыта. Здесь не место входить по существу в догматический спор именеславцев и именеборцев. Скажу только, что на стороне именеславцев преимущества более напряженной

духовной жизни, за ними есть мистические традиции, среди них есть люди религиозного опыта прежде всего. В учении именеславцев есть та частичная истина пантеизма, которая допускает, что энергия Божия становится имманентной миру и человеку. На стороне именеборства оказалось официальное, казенное, синодальное православие, давно порвавшее всякую связь с христианской мистикой, давно равнодушное ко всякой духовной жизни, давно выродившееся в государственный позитивизм и жизненный материализм. В ответ на духовное волнение православного мира, волнение лучших монахов, старцев и мирян, всем сердцем своим преданных православию, раздался голос официальной, казенной церкви, и она покрыла себя несмыслимым позором. Для церкви синодальной и церкви патриархов это было великое испытание, испытание, посланное свыше.

Когда иеросхимонах Антоний Булатович приехал с Афона в Россию искать правды Божией у русской церкви, то его, прежде всего, подвергли обыску, потом св. синод предложил министерству внутренних дел выслать его из Петербурга, как человека беспокойного. Полицейскими преследованиями ответили на его духовную жажду. Архиепископ Антоний Волынский в «Русском Иноке» разразился площадной бранью, бранью — достойной извозчика, а не князя церкви, против книги старца Иллариона «На горах Кавказа», из-за которой началось все движение. Св. синод вознегодовал, что старец Илларион, иеросхимонах Антоний Булатович и афонские монахи осмелились нарушить духов-

ный покой и застой, дерзнули мыслить о предметах духовного опыта и ведения. Св. синод, во всем подобный нашей государственной власти, прежде всего боится и ненавидит всякую жизнь и всякое движение, прежде всего хочет спокойствия и тишины. Первая забота его, как бы чего не вышло. Никакие догматические вопросы внутри православия не подымались, вопросы духовной жизни переставали волновать духовный мир. Интересовались такими второстепенными и теплохладными вопросами, как: быть или не быть патриарху, устраивать ли приход и т.п. Никакая мистика не нарушала мертвого покоя православного мира. И вдруг самые православные из православных заволновались, забеспокоились, зажаждали. Наши епископы, заседающие в св. синоде, давно перестали интересоваться религиозными вопросами по существу, да и никогда епископы не были сильны в вопросах религиозного знания и мистического созерцания. Что им за дело до того, присутствует ли реально сам Иисус в имени Иисус или имя есть лишь условный посредствующий знак. Они, люди, пропитанные жизненным утилитаризмом, не способны вникать в подобные вопросы, посильные лишь мистикам, религиозным философам и людям высших созерцаний. Св. синод объявил ересью именованность за беспокойство, причиняемое людям, давно отвыкшим от всякой духовной жизни и всякого духовного волнения. Св. синод ненавидит всякую духовную жизнь, считает ее опасной и беспокойной. Можно ли обращаться к позитивистам синодальной церкви и их материалистам церкви па-

триархов, к людям, погруженным в низшие сферы бытия, с вопросом об имени Иисусовом, с вопросом духовной жизни и религиозного сознания? Когда возник серьезный вопрос, то официальная церковь оказалась постыдно бессильной. Вдруг обнаружилось что нет силы и жизни Духа в синодальной церкви. Зверская расправа архиепископа Никона над афонскими монахами, отдавание схимников, проживших на Афоне по 30 и 40 лет, на растерзание войскам и полиции, обнаруживает небывалое падение церкви, последнее ее унижение. Любят иногда кричать о том, что церковь угнетена государством. Но епископы сами же призывают государственную власть к насилиям во имя своих целей, они в тысячу раз хуже солдат и городских. Архиепископ Никон убедил монахов-именеславцев в правой вере св. синода с помощью штыков, изувечивших беззащитных стариков. Духовный силой архиепископ Никон никогда и ни в чем никого не мог убедить. Синодальное православие ни для кого не убедительно: в нем нет убеждающей силы Духа (ни один синодальный миссионер никогда не мог переубедить ни одного сектанта). Вечное обращение синодальной церкви к силе государственного оружия есть откровенное признание в том, что ее православие бессильно, неубедительно и не соблазнительно. После изуверской расправы над несчастными монахами был разгромлен Афон, древний оплот православия, и св. синод решил, что русская и константинопольская церкви уничтожили ересь. Изувеченные монахи остались вещественными доказательствами